

ЭЛЬЧИН ГУСЕЙНБЕЙЛИ
Перевод Сиявуша МАМЕДЗАДЕ

ДЕВУШКА ОТ «CALDION»

Рассказ

Тот рекламный бренд, наверное, многие видели. В метро, например, стены вагонов украшает. Он и она рекламируют дезодорант фирмы «Caldion»: «So him, so her». То бишь, примерно, и для мужчины, и для прекрасного пола.

Каждое утро, отправляясь в метро на работу, созерцаю эту парочку. На их лицах столько взаимного страстного обожания, что глаз не оторвешь.

Несомненно, все мужчины, включая меня, глазают на рекламную диву. Она так хороша, так обворожительна, кожа – шелк, белое атласное платье – декольте, кажется, вот-вот спадет с нее, и она предстанет в чем мать родила. Подумалось, что она, как героиня немецкого писателя Зюскинда, – химичка-парфюмер, которая дохимичилась до того, что и сама превратилась в духи. Как эта – в сексуальный манекен.

Носик кнопочкой, губы сочные, страстные, глаза источают кроткое томление и желание. Комплексом вины не страдает. Она смотрит не на предмет своей страсти, то есть на парня (на месте которого мог быть и я), а куда-то мимо. Любящей женщине надо заглянуть в глаза. Это не я, а классики наши сказали. Глаза у любящей (да и у любящего) светятся, сияют, зрачки расширены, рот приоткрыт, губы повлажнели от жаркого дыхания, сосцы груди явно проступают, щеки пылают... как тут оставаться безучастным? Как не втюриться? Ну, положим, втрескался, а как, думаешь, выглядит она в постели? Наверное, поутру она напоминает только что раскрывшийся подснежник. Протирает сонные глазки, сны свои цветные вспоминает.

И вот однажды я еду в метро и так же гляжу на рекламу, вернее, на многообещающие страстные губы и округлые белые плечи. Вдруг кто-то легонько потянул за локоть. Я не придал значения. Дерганье повторилось. Проклиная мысленно нарушителя моего транса, я обернулся. Возле меня стоял старый знакомец. Я удивился. Ибо он никогда не ездил в метро. В юности катил на папиной служебной машине, а впоследствии пользовался своей. Высок, статен, спортивного сложения, словом, Бог не обидел, и сам себя в обиду не даст.

– Так дороги раскурочили, что на машине не пробиться. Потому вот приходится на метро, – посетовал он.

Я солидарно покачал головой. Почему-то стало жаль моего приятеля, вынужденного снизойти до подземного транспорта. Он адвокат, но, увы, не Цицерон. Потому на процессы не ходит, открыл себе контору, управляет ею. Тоже неплохо, набегают, как он говорит, кое-какие манаты.

Поговорили про жите-бытье, и я снова уставился на картинку, при этом чувствуя, что приятель наблюдает за моим повышенным интересом.

– Лакомый кусочек, не так ли? – шепнул он мне в ухо.

– Да. Хороша.

– А знаешь, в чем ее шарм?

Я промолчал, так как не знал ответа на этот вопрос.

– В тайне. Ее красота – в тайне.

– Может быть.

Теперь я смотрел на проступающие сквозь эротичные губы, ровные перламутровые зубы. Воображал ее поступь, ее грацию.

Откуда в ней эти чары?

– Я знаю ее, – приятель опять выдал мне в ухо.

Я вытаращил глаза.

– Да, понимаю, в это трудно поверить... Но я действительно знаю ее, – приятель говорил очень уверенно. – Живет в Москве...

Некоторое время мы хранили молчание. Кажется, он что-то хотел рассказать, но не решался.

– Откуда же ты знаешь ее?

– Оттуда же, откуда ты.

– Я-то не знаю.

– Что значит – не знаю? Если ты видишь ее портрет, – стало быть, знаешь. Можешь даже видеть ее во сне... Просто не знаешь ее имени... Другое дело – она. Она не знает тебя, потому что не может лицезреть тебя.

Я уже досадовал на встречу со старым приятелем, потому что он, похоже, вознамерился лишить меня получаемого визуального удовольствия.

– Догадываюсь, о чем ты думаешь: считаешь, что я понтирую, треплюсь... Но я действительно знаю ее... Весьма загадочная женщина. Знал бы ты, какие тайны скрываются за этой рекламной приманкой, – не стал бы пялиться...

– Какие такие тайны?

– Это долгий разговор. Впрочем, тебе будет небезынтересно. Ты ведь у нас писатель. Чем черт не шутит, может, возьмешь и накатаешь... Но, чур, моего имени не упоминай.

– Давай тогда отправимся ко мне в редакцию. Там и расскажешь.

– Нет, лучше ко мне, в офис. Девчонки чай тебе подадут. Такое у нас правило: чай наготове. Кроме того, наш офис – первом этаже. Не то что ваша «голубятня».

Ну, пришли мы в его офис, чуть повыше кинотеатра «Низами», между магазинами приютился, и вывески никакой, несведущий и не доищется.

Едва я вошел, как на столике появился огненный чай со всем антуражем – лимон, сахар, конфеты, печенье.

Я с нетерпением ждал, когда он начнет рассказывать. Наконец, он заговорил. Да так складно, с чувством, толком, расстановкой, что я подивился его вдохновенному красноречию, – ведь раньше таких

способностей я за ним не замечал. Возможно, его воодушевляла некая сила, может, тайна, о которой он упоминал.

– Хочешь верь, хочешь нет, но история, о которой поведаю тебе – сущая правда.

Так вот, о той «прекрасной незнакомке». Портреты ее красуются везде: в журналах, рекламных щитах, на телеэкране. Рекламная модель. Я впервые увидел ее фото в журнале «Kosmopolitan». В рекламе нижнего белья, черного, с кружевной бахромой. Белое тело и черная ночнушка, представь себе. Под портретом адрес агентства в Интернете, телефон. Я не мог оторвать взора от нее. «Невозможно быть такой красивой и чувственной», – думал я, уподобляя ее райским гуриям. Не мог насмотреться, ночи не спал, грезил о ней, пришлось прибегать к снотворному. В конце концов, один из моих приятелей, врач, сказал, что опасается за мое сердце и, если так пойдет, то мне придется распрощаться с моей смазливой внешностью. Не зная о причине моей маяты, он догадывался, что я в кого-то втюрился. Да и жена заподозрила неладное. Но помалкивала, не имея серьезных оснований, вернее, улик.

Однажды ночью мне пришла в голову идея: а что если мне поискать и найти ее? Денег у меня хватает, на ум не жалуясь. Офис на время перепоручу кому-нибудь.

В ту же ночь по Интернету я отправил письмо, запросил информацию о рекламной диве. Прошло несколько дней. Ответа не последовало. Я позвонил в Москву, в агентство. Сотрудник ответил, что о моделях они информацию не дают.

«Скажите хотя бы, замужем она или нет?» – попросил я. И услышал в трубе хохот. «Я звоню из Баку», – говорю. «Это не имеет значения».

Делать нечего. Пришлось мне лететь в Москву. Студенческие воспоминания мои еще не рассеялись, Москва, как и полтора десятка лет тому назад, пахла бензиновой гарью и духом зеленого змия, но город

преобразился. Большинство знакомых гостиниц снесли, одна «Россия» еще уцелела, похожая на общипанного орла.

Я взял номер, привел себя в порядок, принял душ, утирая волосы, взял трубку и набрал номер рекламного агентства. Услышал тот же ответ, мол, сведений о моделях не даем.

Был месяц май, только что перестал лить дождь, выглянуло солнце. Такая погода наводит тоску, во всяком случае, на меня, хоть вешайся. Наверно, ты знаешь, что весной число суицидов возрастает. Короче, найти это агентство не представляло труда. Ты ведь знаешь Арбат?

– Я не бывал в Москве.

– Ну, эта улица вроде нашей Торговой, но пошире. Там, на Арбате, был парфюмерный магазин, теперь там расположилось рекламное агенство. Быть кавказцем и являться к московским дамам с пустыми руками негоже. Накупил кое-чего, духи, шампанское, шоколад. Ты-то веришь в мой вкус, наверно. Но работницы агентства не могли припомнить ту диву. Ни одна. Но я не думал отступать. Директрисой агентства была пожилая дама. Молодые сказали бы: «не первой свежести», пожилые: «еще в соку», а старики подумали бы: «видно, в молодости была огонь-баба». Разве не знаешь наших? Приплетут обязательно что-нибудь. Но женщина вела себя очень приветливо. Может, тут сыграла роль «Шанель», преподнесенная ей. Подарками, знаешь, можно отпереть любую дверь. Директриса явно симпатизировала мне. «Кавказским орлом» даже назвала. Вызвала одного за другим фотографов, расспрашивала о диве. Бородач по имени Олег сказал:

– Я понял, кого он имеет в виду: это наша Юлия.

– Юлия? – удивилась директриса.

– Почему все ищут ее? Бедная Юлька... Она-то уже у нас не работает.

В стриптизерши подалась... в ресторане.

Это не охладило мой пыл. Не зря же я проделал такой путь.

Я наблюдал за моим старым знакомцем, слушал рассказ и пытаюсь определить степень искренности и достоверности. Лицо у него светилось простодушной улыбкой. Такие люди врать не умеют.

Олег сообщил, что Юля работает в китайском ресторане на окраине города, там богатая клиентура. Вечером я отправился туда. Ресторан оказался внешне непритязательным одноэтажным домом с облупившейся штукатуркой.

Официанты – китайцы, а распорядитель – русский. Я сел напротив сцены, заказал водку «Русский стандарт» с грибным салатом. Другой еды не захотел, опасаясь сюрпризов китайской кухни, вроде собачатины или еще чего. Ведущий возвестил, что начнется танец «Семи красавиц», выплыли в разноцветных пеньюарах красотки. Стриптиз был не из тех обычных, киношных, представлял собой продуманное зрелище. Наконец, стриптизерши начали разоблачаться. И я сразу узнал рекламную диву; наши глаза встретились; почудилось, что она смотрит на меня так, как если бы знала меня; да, все тот же страстный взор. Не отрывал глаз с нее. И при каждом выходе в первую очередь обращал внимание на нее. Время от времени пропускал рюмочку. Но, странное дело, не пьянел. Поодаль сидела компания китайцев, среди них был старик с жидкой бородкой. Девушки то и дело вились вокруг него и выуживали куш. По правде, я испытывал ревность; я ревновал рекламную красотку, впервые видя ее в глаза. Ревность, конечно, паршивое чувство, выдает человека с головой.

Вдруг возле меня возникла пожилая, изрядно навороченная матрона.

– Нравится тебе она? – лукаво уставилась на меня. Я усек, что это «мама-роза».

– Хороша, – буркнул я.

– Да, хороша «джаныйанмыш»...¹

Я перебил приятеля:

– А как по-русски это звучит?

---

¹ Азербайджанское выражение; букв. «чтоб сгореть огнем душе»; выражение восторга.

– Ты мне не веришь? – он как бы обиделся.

– Да нет, просто так спрашиваю.

– Не помню уж как. Смысл такой.

– Ну давай дальше.

– Матрона мне: если хочешь, могу на ночь ее «в аренду» сдать. И заломила такую цену... не хочу даже называть. В час ночи рестораны закрыты. Матрона, взяв с меня задаток – полцены, пошла за красоткой. И вот она, Юлия, в тонкой куртке, короткой юбке, фигурка – блеск. «Мама-роза» сказала, что проблема с ночлегом входит в их обязанности, и такси отвезет нас по нужному адресу. Мы должны «закруглиться» к 11 часам утра.

Сбылась моя мечта. Я в просторной спальне, освещенной ночником, на одном кровати с давно вождеденной дамой... Но одно казалось мне странным. В моей теперь уже партнерше чего-то недоставало. Она смахивала на манекен. Страстность, которая воображалась мне по фото, исчезла. Она выглядела бесчувственной, как пень. Тело холодное, будто и не осязающее ничего. Порой она ласкала и целовала меня, видимо, для блезира, чтобы не обидеть. Я ей расписывал, как влюбился в нее заглазно, как грезил ею, сказал, откуда родом. Она рассмеялась. И смех такой загадочный, странный, будто кто-то вместо нее смеялся. Машинально, заученно.

До утра я не сомкнул глаз. А ей хоть бы хны, уснула, посапывает, как дитя. Наутро я ей сказал, что хочу вернуться в Баку. Но хотел бы узнать...

– Я тебя разочаровала? – перебила она.

– Не то слово, – говорю.

Она задержала на мне взгляд, взяла с тумбочки сигарету, закурила, сделав затяжку и выдохнув дым, шутливо заметила:

– Много будешь знать – рано состаришься...

– Я не узнал тебя. Вот что странно.

– да ты и не можешь узнать, – снова засмеялась она.

– Во всяком случае, было бы интересно.

– Ты в этом уверен?

Я кивнул, она выдержала паузу, уставившись взглядом в невидимую точку.

– Я знаю, что ты не поверишь мне, но я все-таки скажу. Сперва мне никто не верит. А если не верит, значит, не любит. А любить – значит верить. Возможно, в этом и нет необходимости... Но... человеку, проделавшему такой дальний путь, думаю, можно...

Я был готов поверить во все, что она ни скажет. Даже если б сказала, что происходит от ящерицы. Кажется, она почувствовала, что у меня на сердце. Голос ее прозвучал печально-безнадежно.

– Я дух. Я вроде и существую и пребываю в нетях...

Теперь она была похожа на ту, которая предстала на фотографиях.

– Как это – в нетях? Вот же, я касаюсь рукой, это ты.

– Когда умерла моя сестренка, пяти лет от роду, мать с отцом думали только и только о ней, даже в постели... Потому душа сестренки переселилась в меня. Так мне кажется. Я некоторое время размышляла об этом, даже в парапсихологией интересовалась. В детстве мне снились такие сны, что мама, выслушав меня, говорила: «душа сестренки вселилась в тебя... потому что этот случай был на самом деле». Например, была у сестренки моей белая киска, ножку ей дверью прищемило. Я до сих пор вижу этот сон. Событие – есть, а эмоций никаких.

– Может, это тебе только кажется? – сочувственно спросил я.

– А тебе как кажется? Не кажется ли тебе, что я бесчувственная?

Я не хотел лгать, потому промолчал.

– Иногда я бываю в таком состоянии, что хоть режь – не почувствую.

Меня оторопь пробрала от этих слов. Я вспомнил отзыв директрисы агентства: «У нее было два мужа, оба покончили с собой».

Она легла в постель, расслабилась, словно избавилась от какого-то груза. Когда я выходил, она сказала вдогонку:

– Если захочешь, в следующий раз можешь оставаться без оплаты. – И засмеялась.

Я, не ответив, закрыл за собой дверь.

Вернувшись в Баку, я заново просмотрел ее снимки, вырезанные из журналов. Теперь в них не было никакого шарма, магии красоты. Все эти изображения показались мне фальшью. Может быть, фантастическую историю с сестренкой и реинкарнацией души она сочинила. Сочинила, чтобы не привязываться к какому-либо мужчине. Так ей было удобнее жить.

Я сжег ее снимки, чтобы избавиться от старых воспоминаний. Странно, когда фотографии горели, мне чудился в пламени чей-то стон.

Хочешь, верь, хочешь, не верь, – завершил мой приятель рассказ и усмехнулся как-то вымученно, вышла гримаса, и рот у него вроде покривел.

Чтобы подавить волнение, я хотел было пригубить чай, но чай давно остыл.

– Может, налить по новой?

– Не стоит, – сказал я и поспешил распрощаться.